

DOI: <https://doi.org/10.60797/PED.2025.7.8>

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ КИБЕРБУЛЛИНГА

Научная статья

Ломовская С.А.^{1,*}, Синогина Е.С.²¹ORCID : 0009-0002-2915-0347;²ORCID : 0009-0000-0037-0309;^{1,2}Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (xxx_sofi_xxx[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена психолого-педагогическому исследованию участников кибербуллинга в подростковой среде. Основная цель работы – изучить связь между личностными чертами участников (жертв, агрессоров и наблюдателей) и их вовлеченностью в ситуации цифровой травли. Для проведения исследования использовались опросник «Темная дюжина», измеряющий выраженность черт нарциссизма, макиавеллизма и психопатии, а также авторский опросник для распределения респондентов по исследуемым группам. Экспериментальная база включала 32 подростка (учащихся 7-х классов) из общеобразовательных школ города Томска.

Результаты исследования показали, что агрессоры демонстрируют более высокие показатели черт темной триады, что коррелирует с их склонностью к кибербуллингу. У большинства агрессоров выявлены высокие уровни макиавеллизма (75%), нарциссизма (62%) и психопатии (62%). Жертвы, напротив, проявляют повышенную тревожность, склонность к депрессивным состояниям и часто находятся в социальной изоляции. Наблюдатели, не принимающие активного участия в кибербуллинге, также играют важную роль, поскольку их бездействие способствует эскалации проблемы.

В заключении подчеркивается важность профилактики кибербуллинга в общеобразовательном учреждении через развитие эмпатии, эмоционального интеллекта и навыков конструктивного взаимодействия среди подростков. Полученные данные могут быть использованы для разработки методик, направленных на обеспечение позитивной киберсоциализации и безопасного поведения подростков в цифровой среде.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, темная триада.

STUDY OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CYBERBULLYING PARTICIPANTS

Research article

Lomovskaya S.A.^{1,*}, Sinogina E.S.²¹ORCID : 0009-0002-2915-0347;²ORCID : 0009-0000-0037-0309;^{1,2}Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

* Corresponding author (xxx_sofi_xxx[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the psychological and pedagogical study of cyberbullying participants in adolescence. The main objective of the work is to study the relationship between the personality traits of the participants (victims, aggressors and observers) and their involvement in situations of digital bullying. The 'Dark Dozen' questionnaire measuring the expression of the traits of narcissism, Machiavellianism and psychopathy, as well as the author's questionnaire for the distribution of respondents into the studied groups were used for the research. The experimental base included 32 teenagers (7th grade students) from general education schools of Tomsk.

The results of the study showed that aggressors exhibit higher scores of the dark triad traits, which correlates with their propensity to cyberbully. Most aggressors showed high levels of Machiavellianism (75%), narcissism (62%) and psychopathy (62%). Victims, on the other hand, show increased anxiety, tendency to depressive states and are often socially isolated. Observers who are not actively involved in cyberbullying also play an important role, as their inaction contributes to the escalation of the problem.

The conclusion emphasises the importance of preventing cyberbullying in a general education institution through the development of empathy, emotional intelligence and skills of constructive interaction among adolescents. The data obtained can be used to develop methods aimed at ensuring positive cyber socialisation and safe behaviour of adolescents in the digital environment.

Keywords: cyberbullying, teenagers, dark triad.

Введение

Киберсоциализация (или социализация человека в цифровой среде) сегодня – неизбежная часть жизни каждого современного подростка. Однако она протекает практически бесконтрольно, что может приводить к негативным последствиям для несформированной личности ребенка. Интернет несет в себе множество полезных ресурсов для общения, образования, развлечения, но в киберпространстве подросток сталкивается и с различными рисками, которые могут оказать влияние на его психоэмоциональное состояние и привести к рискованному поведению [7].

Одним из наиболее травмирующих подростка рисков в сети Интернет является цифровая травля или кибербуллинг. Конечно, конфликт и умение эффективно разрешать конфликтные ситуации – это важные атрибуты взросления, без которых подросток не может быть подготовлен ко взрослой, самостоятельной жизни. Но издевательства, которыми обычно сопровождается конфликт при травле в Интернете, не имеют никакого отношения к взрослению, лишь травмируя и ожесточая ребенка.

В России ежегодно отмечается Российский день борьбы с кибербуллингом (11 ноября), правительственные и социальные организации активно говорят о борьбе с кибербуллингом и современной его профилактике. Тем не менее, каждый второй школьник становится жертвой кибербуллинга и признается, что не получил помощи от взрослых в ситуации травли – по статистике около 60% школьников страдают от онлайн-буллинга, при этом только 0,3% жертв обращаются за помощью – остальные либо решают проблему самостоятельно, либо не делают ничего [2].

Поэтому, несмотря на наличие в России инициатив по борьбе с кибербуллингом, несмотря на проведение в школах профилактических мероприятий, масштабы проблемы остаются значительными.

Кибербуллинг – это форма проявления агрессии в цифровой среде. Основное отличие кибербуллинга от буллинга (обычной школьной травли) заключается в том, что он осуществляется онлайн и проявляется через оскорбления, угрозы, унижение и преследование в социальных сетях, мессенджерах, онлайн-играх и прочих цифровых платформах. В соответствии с этим, еще одной особенностью кибербуллинга часто является его анонимность, ведь действия некоторых пользователей в Интернете практически невозможно отследить самостоятельно без обращения в правоохранительные органы. С анонимностью также связан феномен растормаживания и моральная отстраненность: анонимно люди позволяют себе вести себя более агрессивно, чем в ситуациях, когда они знают о том, что идентифицированы [10]. Агрессивные действия осуществляются умышленно, длительное время, одним человеком или группой лиц, систематически – в случае кибербуллинга даже круглосуточно [3], [10]. При этом кибербуллинг может быть практически незаметен для окружающих, если осуществляется в закрытых чатах или личной переписке. В осуществлении онлайн-травли можно выделить три основные роли: агрессоры, жертвы и пассивные наблюдатели (то есть те, кто не принимал участия в самом кибербуллинге, однако были его свидетелями). Несмотря на то, что за организацию травли чаще всего отвечает один человек, к нему со временем присоединяются и другие последователи, также желающие самоутвердиться за счет унижения жертвы (хотя некоторые буллы мотивированы желанием мести за какие-то конфликтные ситуации с жертвой) [8]. Чаще всего агрессоры не осознают, что их действия могут привести к реальному вреду для жертвы – от эмоциональных переживаний до суицидальных действий. Обычный буллинг может стать кибербуллингом, как и наоборот, Интернет-травля может перейти в реальный мир.

Кибербуллинг может проявляться в различных формах: оскорбления, киберпреследование, публикация личной информации о человеке без его согласия, исключение человека из онлайн-групп или социального круга. Жертва при этом часто страдает от сниженной самооценки, тревожных расстройств, депрессии или даже суицидальных мыслей; разрушаются межличностные связи, ребенок может оказаться в ситуации социальной изоляции, что ведет к усугублению его психологического состояния.

Последствия кибербуллинга не ограничиваются только возможными психологическими проблемами, но и могут проявляться в долгосрочной перспективе, оказывая влияние на дальнейшую социальную жизнь подростка. Жертва травли может потерять доверие к людям, избегать социальных взаимодействий и испытывать трудности с формированием здоровых межличностных отношений в будущем.

Подростки, ставшие жертвами травли, очень редко обращаются за помощью: они испытывают стыд, страх перед дальнейшей травлей, опасаются, что их будут обвинять в провокации конфликта. Некоторые жертвы считают, что их проблемы взрослым могут показаться незначительными, детскими.

С другой стороны, сами агрессоры также нуждаются в помощи. Их поведение часто связано с неразрешенными внутренними конфликтами, отсутствием эмоциональной поддержки или, возможно, опытом травли в прошлом со стороны семьи или сверстников. Так, исследователи говорят о том, что большая доля детей, занимавшихся кибербуллингом, также имели и опыт жертвы такой агрессии со стороны пользователей [10]. Изучение связи показателей кибербуллинга с показателями духовности и эмпатии демонстрирует, что подростки, имеющие склонность к проявлению агрессивного поведения в Интернете, практически не способны сопереживать другим [9]. Если не работать с буллерами, их деструктивные привычки могут закрепиться, приводя к асоциальному, неприемлемому поведению уже во взрослой жизни.

Кибербуллинг, в отличие от буллинга, наиболее опасен в результате анонимности и масштабируемости Интернета. Одна публикация, фотография, видеоролик могут очень быстро распространиться по сети, вовлекая в травлю новых участников. Даже после завершения кибербуллинга цифровой след остается в Интернете, что может стать дополнительным источником страданий для жертвы.

Профилактика кибербуллинга – это не только задача родителей, но одна из задач воспитательной политики современной общеобразовательной школы. Поэтому возникают соответствующие вопросы: по каким критериям можно предположить, что ребенок имеет склонность к рискованному поведению? Есть ли определенные личностные характеристики у детей, которые инициируют онлайн-травлю?

Для ответа на эти вопросы было проведено экспериментальное исследование на базе общеобразовательных школ города Томска среди 32 подростков (обучающихся 7-х классов) 18 девушек и 14 юношей.

Методы и принципы исследования

Выявление психологических особенностей жертв кибербуллинга, агрессоров и наблюдателей осуществлялось с использованием опросника «Темная дюжина» Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова, М.А. Чумаковой и М.С. Толмач, который позволяет определить у респондента выраженность черт темной триады. Темная триада – это психологическая концепция, которая рассматривает три взаимосвязанных, но отдельных черты личности: нарциссизм (чрезмерная самовлюбленность, ощущение собственной исключительности), макиавеллизм (склонность к

манипулятивному поведению и циничному отношению к другим людям) и психопатию (эмоциональная холодность по отношению к другим людям, низкий уровень или отсутствие эмпатии). Исследователи отмечают, что черты темной триады также часто коррелируют с проявлением агрессии, низким уровнем эмпатии, и могут служить индикатором повышенного риска вовлеченности подростков в кибербуллинг, как в роли агрессора, так и в роли наблюдателя [4], [5], [1]. Опросник состоит из 12 утверждений, которые респондентам предлагается оценить по шкале Ликерта. Ответы оцениваются по степени согласия с каждым утверждением. Баллы суммируются по трем шкалам, каждая из которых отражает один из компонентов темной триады, затем нормализуются и интерпретируются согласно установленным критериям [6].

Распределение подростков на три исследуемые группы осуществлялось с помощью дополнительного авторского опросника, в котором обучающиеся отвечали на вопросы, позволяющие определить факт их участия в кибербуллинге.

Обсуждение

По результатам опроса об участии в ситуациях кибербуллинга участники эксперимента были подразделены на три группы: жертвы кибербуллинга, агрессоры и пассивные наблюдатели (не принимали участие в кибербуллинге, но были свидетелями). При этом некоторые подростки, которые признались, что осуществляли кибербуллинг, и сами прежде подвергались травле в Интернете. Обучающиеся, которые никогда не сталкивались с проявлениями кибербуллинга, в выборке отсутствовали.

Было выявлено, что среди опрошенных преобладает группа агрессоров (16 человек – 45%). Тот факт, что большинство из них (12 человек – 76%) сами никогда не были жертвами травли, может указывать на то, что мотивация их поведения связана не с травматическим опытом буллинга, а с другими факторами, например, стремлением к социальному одобрению со стороны сверстников или отсутствием эмпатии, низким уровнем эмоционального интеллекта. Наличие агрессоров, ранее подвергавшихся кибербуллингу (4 человека – 24%) указывает на то, что некоторые подростки инициируют конфликт в качестве способа самозащиты или в попытке преодоления своего негативного опыта. Юношей и девушек в группе было поровну (8 человек – 50%), однако необходимо отметить, что все буллеры, ранее бывшие в позиции жертвы оказались мальчиками (4 человека – 100%).

Часть подростков (9 человек – 26%) занимают позицию пассивных наблюдателей. Среди них 4 (44%) девушки и 5 (56%) юношей. Мы видим, что они осведомлены о случаях кибербуллинга, однако, по разным причинам (страх, равнодушие) предпочитают оставаться в стороне от конфликта. Дальнейшая работа с этой группой очень важна, ведь именно наблюдатели смогут предотвратить травлю, которой стали свидетелями, если будут понимать, как правильно это сделать.

Большая доля жертв (10 человек – 29%) указывает на распространенность проблемы кибербуллинга в подростковой среде. Жертвами онлайн-травли преимущественно являются юноши (6 человек – 60%), в то время как доля девушек немногим меньше (4 человека – 40%).

В контексте исследования нас особенно интересовали личностные характеристики группы агрессоров. Результаты опросника «Темная дюжина» показали, что среди этой группы отмечается разнообразие выраженности личностных черт, ассоциируемых с темной триадой (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия).

Высокие показатели нарциссизма, психопатии и макиавеллизма наблюдаются у 10 (62%), 10 (62%) и 12 (75%) опрошенных соответственно, в то время как средний уровень наблюдается всего у 4 (25%) респондентов. Низкий уровень нарциссизма и психопатии демонстрируют 2 школьника (13%), в то время как низкие показатели макиавеллизма в выборке отсутствуют.

Сильная выраженность черт темной триады у подавляющего большинства агрессоров позволяет нам предположить, что высокие показатели оказывают непосредственное влияние на формирование склонности к осуществлению кибербуллинга. В частности, нарциссические черты могут быть причиной того, что подростки не осознают негативные последствия своих действий, особенно в практически анонимной онлайн-среде, где им кажется, что они не будут пойманы и наказаны. Ярко выраженные нарциссы могут воспринимать кибербуллинг как способ самоутверждения, получения внимания и одобрения со стороны свидетелей конфликта, не осознавая при этом, что их действия являются деструктивными для жертвы. В свою очередь, психопатия, которая обычно характеризуется импульсивным поведением и отсутствием способности сопереживать другим может стать причиной распространения ими ложных слухов о жертве в Интернете или публикации неприемлемой информации. Подростки с выраженными чертами психопатии склонны считать онлайн-взаимодействие не таким серьезным, как реальное, поэтому обычно не осознают, что их действия могут принести другим людям вред. Школьники с высокими показателями макиавеллизма, который отвечает за манипулятивное поведение, используют Интернет и социальные сети как инструмент для манипуляции через распространение слухов, создание фейковых аккаунтов, с помощью чего затем воздействуют на других людей для достижения своих целей.

На основании выявленных данных можно сделать вывод о том, что существует определенная корреляция между психологическими характеристиками подростков и вовлеченностью в кибербуллинг (таблица 1).

Таблица 1 - Таблица сопряженности психологических характеристик подростков и вовлеченности в кибербуллинг

DOI: <https://doi.org/10.60797/PED.2025.7.8.1>

	Средний балл агрессоров (подвергались онлайн-травле)	Средний балл агрессоров (никогда не подвергались онлайн-травле)	Средний балл жертв (никогда не осуществляли онлайн-травлю)	Средний балл наблюдателей (никогда не подвергались онлайн-травле и не осуществляли ее)
Нарциссизм	4	3,6	3,8	2,7
Психопатия	4,3	3,3	3,5	2,9
Макиавеллизм	4,5	3,8	3,8	2,9
Внутриличностный ЭИ	11,3	10,9	13,3	13
Межличностный ЭИ	10,8	11,3	15,3	15
Общий ЭИ	22	22,2	28,7	28

Из таблицы мы видим, что агрессоры, которые ранее подвергались онлайн-травле, демонстрируют более высокий средний балл по всем трем показателям темной триады (нарциссизм – 4, психопатия – 4,3, макиавеллизм – 4,5) по сравнению с другими группами. Таким образом, можно утверждать, выраженность черт темной триады связана с агрессивным поведением в цифровой среде. В то же время агрессоры, никогда не подвергавшиеся кибербуллингу, имеют значения несколько ниже – возможно, личный опыт травли усиливает тенденцию к проявлению черт темной триады. Жертвы и особенно наблюдатели демонстрируют более низкие показатели по всем трем шкалам (нарциссизм – 3,8 и 2,7, психопатия – 3,5 и 2,9, макиавеллизм 3,8 и 2,9 соответственно), что указывает на слабую выраженность черт темной триады у тех, кто не инициирует ситуации кибербуллинга.

Заключение

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что более высокие показатели нарциссизма, психопатии и макиавеллизма имеют связь с инициацией случаев кибербуллинга. Агрессоры не осознают, что их действия наносят глубокие эмоциональные травмы, в то время как жертвы испытывают повышенную тревожность и часто склонны к депрессивному состоянию. При этом роль пассивных наблюдателей в онлайн-травле также значительна – их молчание и отсутствие реакции усугубляют проблему, позволяя агрессорам ощущать безнаказанность. Поэтому для обеспечения позитивной киберсоциализации подростков, профилактики кибербуллинга учителям и социальным педагогам важно развивать у подростков эмпатию, навыки осознанного и безопасного поведения в Интернете, а также обучать их способам конструктивного взаимодействия и разрешения конфликтов в онлайн-пространстве.

Полученные результаты позволили выявить специфические аспекты взаимосвязи между осуществлением кибербуллинга и психологическим состоянием подростков, что может послужить основой для разработки методик обеспечения позитивной киберсоциализации подростков в общеобразовательных учреждениях.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Crysel L. The Dark Triad and risk behavior / L. Crysel, B.S. Crosier, G.D. Webster // *Personality and Individual Differences*. — 2013. — Vol. 54. — № 1. — P. 35–40. — DOI: 10.1016/j.paid.2012.07.029.
2. Бородина В.Н. Кибербуллинг среди подростков в образовательной среде как предмет исследования / В.Н. Бородина, А.И. Петимко // *Мир науки, культуры, образования*. — 2021. — № 6 (91). — С. 154–157. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-154-157. — EDN OFXVKH.
3. Газизьянов Т.А. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга / Т.А. Газизьянов, З.Р. Мансурова // *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. — 2023. — № 4 (16). — С. 89–92. — EDN LEDNPJ.
4. Дериш Ф.В. Личностные корреляты реактивной и проактивной агрессии: обзор / Ф.В. Дериш // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. — 2023. — № 1. — С. 4–12.

5. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи черт темной триады личности и диспозициональной агрессии / Ф.В. Дериш // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. — 2021. — № 1. — С. 4–12. — DOI 10.24412/2308-717X-2021-1-4-12. — EDN SXCCSKY.

6. Корнилова Т.В. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» / Т.В. Корнилова, С.А. Корнилов, М.А. Чумакова [и др.] // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36. — № 2. — С. 47–62. — EDN TTJZRP.

7. Плешаков В.А. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке / В.А. Плешаков // Идеи и идеалы. — 2011. — Т. 2. — № 4 (10). — С. 47–62. — EDN OIMJXD.

8. Санина Е.И. Профилактика кибербуллинга как цель социализации подростков в условиях цифровой среды / Е.И. Санина, Е.А. Дегтярев // Проблемы современного педагогического образования. — 2020. — № 68 (4). — С. 141–144. — EDN ORNZBR.

9. Синогина Е.С. Исследование буллинг-структуры подростков и связи проявлений кибербуллинга с показателями духовности и эмпатии / Е.С. Синогина, С.А. Ломовская // Научно-педагогическое обозрение. — 2023. — № 5 (51). — С. 121–129. — DOI: 10.23951/2307-6127-2023-5-121-129. — EDN QSXOFA.

10. Хломов К.Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К.Д. Хломов, Д.Г. Давыдов, А.А. Бочавер // Психология и право. — 2019. — Т. 9. — № 2. — С. 276–295. — DOI 10.17759/psylaw.2019090219. — EDN VWPDPUR.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Crysel L. The Dark Triad and risk behavior / L. Crysel, B.S. Crosier, G.D. Webster // Personality and Individual Differences. — 2013. — Vol. 54. — № 1. — P. 35–40. — DOI: 10.1016/j.paid.2012.07.029.

2. Borodina V.N. Kiberbulling sredi podrostkov v obrazovatel'noy srede kak predmet issledovaniya [Cyberbullying among teenagers in the educational environment as a subject of research] / V.N. Borodina, A.I. Petimko // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]. — 2021. — № 6 (91). — P. 154–157. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-691-154-157. — EDN OFXVKH. [in Russian]

3. Gazizyanov T.A. Psikhologiya kiberbullinga. Vidy i prichiny kiberbullinga [Psychology of cyberbullying. Types and reasons of cyberbullying] / T.A. Gazizyanov, Z.R. Mansurova // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva [Society, Law, Statehood: Retrospect and Perspective]. — 2023. — № 4 (16). — P. 89–92. — EDN LEDNPJ. [in Russian]

4. Derish F.V. Lichnostnye korrelyaty reaktivnoy i proaktivnoy agressii: obzor [Personality correlates of reactive and proactive aggression: review] / F.V. Derish // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki [Perm State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin. Series № 1. Psychological and Pedagogical Sciences]. — 2023. — № 1. — P. 4–12. [in Russian]

5. Derish F.V. Polovye osobennosti vzaimosvyazi chert temnoy triady lichnosti i dispozitsional'noy agressii [Sex differences in relationship of dark triad personality and aggression disposition] / F.V. Derish // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki [Perm State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin. Series № 1. Psychological and Pedagogical Sciences]. — 2021. — № 1. — P. 4–12. — DOI 10.24412/2308-717X-2021-1-4-12. — EDN SXCCSKY. [in Russian]

6. Kornilova T.V. Metodika diagnostiki lichnostnykh chert «Temnoy triady»: aprobatsiya oprosnika «Temnaya dyuzhina» [Dark Triad personality trait diagnostic methodology: testing of the Dark Dozen questionnaire] / T.V. Kornilova, S.A. Kornilov, M.A. Chumakova [et al.] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. — 2015. — Vol. 36. — № 2. — P. 47–62. — EDN TTJZRP. [in Russian]

7. Pleshakov V.A. Perspektiva razvitiya teorii kibersotsializatsii cheloveka v XXI veke [Development prospect theories of cybersocialization of the person in the XXI century] / V.A. Pleshakov // Idei i idealy [Ideas and Ideals]. — 2011. — Vol. 2. — № 4 (10). — P. 47–62. — EDN OIMJXD. [in Russian]

8. Sanina E.I. Profilaktika kiberbullinga kak tsel' sotsializatsii podrostkov v usloviyakh tsifrovoy sredy [Preventing cyberbullying as a goal of socializing adolescents in the digital environment] / E.I. Sanina, E.A. Degtyarev // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of Modern Pedagogical Education]. — 2020. — № 68 (4). — P. 141–144. — EDN ORNZBR. [in Russian]

9. Sinogina E.S. Issledovanie bulling-struktury podrostkov i svyazi proyavleniy kiberbullinga s pokazatelyami dukhovnosti i empatii [A study of adolescents' bullying structure and the relationship of cyberbullying to spirituality and empathy indicators] / E.S. Sinogina, S.A. Lomovskaya // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie [Pedagogical Review]. — 2023. — № 5 (51). — P. 121–129. — DOI: 10.23951/2307-6127-2023-5-121-129. — EDN QSXOFA. [in Russian]

10. Khlomov K.D. Kiberbulling v opyte rossiyskikh podrostkov [Cyberbullying in the experience of russian teenagers] / K.D. Khlomov, D.G. Davydov, A.A. Bochaver // Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]. — 2019. — Vol. 9. — № 2. — P. 276–295. — DOI 10.17759/psylaw.2019090219. — EDN VWPDPUR. [in Russian]